

УДК 821.35-31.09

DOI 10.37972/chgpu.2025.127.2.001

Р. Я. Бадахова, М. Х. Чотчаева

**РЕАЛИЗАЦИЯ ТЕКСТОВЫХ КАТЕГОРИЙ РЕТРОСПЕКЦИИ И ПРОСПЕКЦИИ
В ПОВЕСТИ М. БАТЧАЕВА «ЭЛИЯ»**

*Карачаево-Черкесский государственный университет имени У. Д. Алиева,
г. Карачаевск, Россия*

Аннотация. Настоящая статья посвящена проблеме реализации текстообразующих категорий ретроспекции и проспекции в повести карачаевского писателя Муссы Батчаева «Элия» (1976). Эти категории применены автором в сюжетном действии и для психологической мотивировки главного героя. Актуальность исследования обусловлена тем, что в карачаевской литературе повесть «Элия» является первым произведением с ретроспективными и проспективными нарушениями времени. Писатель выступает как новатор, создавший художественный текст, в котором чередуются эпизоды, принадлежащие разным временным планам – возврат в прошлое, настоящее актуальное и «забегание» вперед. Ввиду недостаточной изученности проблемы текстового времени в карачаевской литературе представляется необходимым раскрыть вопрос о реализации ретроспекции и проспекции в произведении. Данная проблема рассматривается на примере повести М. Батчаева «Элия», где прослеживаются игра писателя со временем, нарушение линейного хода повествования. В работе использованы следующие методы исследования: методика комплексного анализа, принципы историко-генетического изучения художественного текста, концептуальный анализ, обобщение. В ходе исследования выявлено одно из свойств времени в батчаевской повести – обратимость, проявляющаяся в повествовании в ретроспекции и проспекции. Эти текстовые категории реализованы в «Элии» как формы дисконтинуума, позволяющие сфокусировать читательское внимание не столько на событии, сколько на причине, которая привела к нему. Выводы, сделанные в статье, могут быть использованы и дополнены при изучении ретроспекции и проспекции в произведениях писателей Карачаево-Черкесии.

Ключевые слова: *ретроспекция, проспекция, категория, прием, повествование, время*

R. Ya. Badakhova, M. Kh. Chotchaeva

**REALIZATION OF TEXTUAL CATEGORIES OF RETROSPECTION
AND PROSPECTION IN M. BATCHAEV'S NOVEL "ELIYA"**

Karachay-Cherkess State University, Karachaevsk, Russia

Abstract. This article is devoted to the problem of the realization of the text-forming categories of retrospection and prospection in the novel "Eliya" (1976) by the Karachay writer Moussa Batchaev.

These categories are used by the author in the plot action and for the psychological motivation of the main character. The relevance of the research is due to the fact that in the Karachay literature before the appearance of the novel “Eliya” there was no work with retrospective and prospective violations of time. Batchaev acted as an innovator who created a work in which episodes belong to different time plans alternate – a return to the past, the present current and “running ahead”. Due to the insufficient study of the problem of textual time in the Karachay literature, it seems necessary to reveal the question of the realization of retrospection and propection in a work of fiction. This problem is considered by the example of M. Batchaev’s novel “Eliya”, which traces the writer’s game with time, a violation of the linear course of the narrative. The following research methods are used in the work: methods of complex analysis, principles of historical and genetic study of literary text, conceptual analysis, generalization. The study revealed one of the properties of time in Batchaev’s novel – reversibility, which is manifested in the narrative in retrospection and propection. These text categories are implemented in “Eliya” as forms of discounting, allowing readers to focus not so much on the event as on the reason that led to the event. The conclusions drawn in the article can be used and supplemented in the study of retrospection and propection in the works of writers of Karachay-Cherkessia.

Keywords: *retrospection, propection, category, method, narrative, time*

Введение. Ретроспекция и проспекция – текстообразующие категории. Ретроспекция – обращение к прошлому («воскрешение прошлого»), проспекция – предвосхищение будущего. По И. Р. Гальперину, они представляют собой категории текста, с помощью которых «осуществляется тот процесс, без которого невозможно осмысление происходящего» [5, с. 105]. Ретроспекция отсылает читателя «... к предшествующей содержательно-фактуальной информации» [5, с. 106]. Проспекция же, напротив, настраивает читателя на то, что будет происходить в дальнейшем. Эти понятия, концептуально закрепленные в исследовании И. Р. Гальперина, берутся за основу в данной работе.

Также теоретическую базу исследования составляют работы, предметом которых является ретроспекция как прием повествования и как вставной эпизод из прошлого героя. Так, в статье Г. А. Горбуновой эта категория рассматривается как способ композиционного построения художественного текста и как прием, сообщающий о прошлой жизни персонажей и усиливающий «... драматичность текущего действия» [6, с. 332]. Выявляя особенности ретроспективного повествования, Г. И. Рогова употребляет термины «тема памяти» и «мотив воспоминаний». При этом она различает собственно ретроспекцию и экскурсы в прошлое [11]. Н. Ф. Копыстьянской вводится понятие «ассоциативной ретроспекции», выстроенной «на особенностях памяти человека» [9, с. 444]. Этот прием, по мысли исследователя, выполняет «... жанрообразующую функцию» [9, с. 450]. Интересной представляется статья М. Г. Меркуловой, посвященная анализу ретроспекции в древнегреческой трагедии. В произведениях Эсхила автор обнаруживает истоки «... формирования концепции “классической” ретроспекции драматургии» [10, с. 4].

Важной для настоящего исследования является работа Ю. Ю. Барышниковой, в которой приемы ретроспекции и проспекции рассматриваются на материале произведений Ги де Мопассана. Автор приходит к выводу, что «данные категории способствуют реализации других категорий текста, таких как интеграция и когезия» [2, с. 61].

Предметом исследования стала повесть М. Батчаева «Элия», в которой наиболее ярко проявилась писательская игра с категорией времени – нарушение хронологии событий, экскурс в прошлое, предугадывание будущего в развитии сюжета. Целью статьи является теоретическое осмысление приемов ретроспекции и проспекции в повести карачаевского писателя, выявление их функциональной роли.

Актуальность исследуемой проблемы. Исследование ретроспекции и проспекции как проявление дискретности художественного времени в творчестве М. Батчаева показало их значимость для развития карачаевской прозы. Выбранный аспект батчаевских

художественных изысканий изучен недостаточно. Повесть писателя «Элия» в этом ключе рассматривается впервые.

Материал и методы исследования. Материалом для исследования послужила повесть М. Батчаева «Элия», в которой прослеживаются приемы ретроспекции и проспекции. В работе применяется методика комплексного анализа. В процессе исследования применены принципы историко-генетического изучения художественного текста, концептуальный анализ, обобщение.

Результаты исследования и их обсуждение. Ретроспекция и проспекция являются формами дисконтинуума. Они нарушают хронологическую последовательность событий. Рассматриваемые категории обнаруживают связь с другими компонентами текста – когезией, членимостью, автосемантией и др. Ретроспекция и проспекция реализуют разные функции, обладают конкретным содержанием.

Мусса Батчаев, заложивший основы психологического анализа в карачаевской литературе, открывший новые пути лиризации эпоса, использовал в своих художественных текстах приемы ретроспекции и проспекции. Обратимся к изучению функционирования этих категорий в батчаевской повести «Элия». Здесь повествование ведется от имени двенадцатилетнего героя. Преобладающей формой ретроспекции в произведении является воспоминание персонажа. Рассказчик поясняет прошлым свое нынешнее восприятие событий и, соответственно, взгляд на ситуацию, о которой поведет повествование.

Повесть «Элия» открывается сообщением героя-рассказчика о том, что происходит в настоящем актуальном: «В нашем доме поют... На нашем дворе, на белом снегу – красный круг... Я сижу в нашем сарае спиной к дому» [3, с. 65]. В экспозиции произведения нет обращения к минувшему, поэтому читатель настраивается на линейное развертывание событий. Однако в этом просматривается перспективный план. То, что герой сидит спиной к дому в душном сарае, в лицо ему светит тусклый луч заката, глаза его сузились, а веки дрожат, настраивает читателя на дальнейшее драматическое развитие событий. Внимание мальчика сосредоточено на связке конских подков: «Самое ненужное сейчас на свете – это восемь новых стальных подков, думаю я» [3, с. 65]. Следующая фраза несколько неожиданна: «И еще думаю об отце, который поет с гостями» [3, с. 65]. Стало быть, есть связь между подковами и отцом мальчика, о чем читателю предстоит узнать. Стоит добавить, что в повести у главного героя, его отца и мачехи нет имен.

Рассказчик говорит об отце, используя глаголы настоящего и прошедшего времени. В настоящем – он поет в доме с гостями. Говоря о своей любви к отцу, о преклонении перед его авторитетом, герой употребляет форму прошедшего времени: «любил отца», «гордился им», «поклонялся отцу». Из дальнейшего повествования узнаем, что его отец с детства любил лошадей, приучал необъезженных скакунов, до войны обучал призывников наездничеству, а всю войну прошел кавалеристом. Мальчик вновь возвращается к сегодняшнему дню: «Я сижу в сарае, смотрю на закат и вижу отца... Вижу окаменевшее лицо его. Вижу в руке его нож... Вижу в ногах его распростертую на соломенной подстилке лошадь» [3, с. 68].

М. Батчаев нередко в небольшом текстовом сегменте чередует категории ретроспекции и проспекции. Но наиболее частотной является «отсылка» в прошлое. Так, сообщив о том, что Элии суждено стать последней лошадей в жизни отца, рассказчик констатирует, что это не начало истории. Он затрудняется указать на «главное начало» истории, о которой решил рассказать. Мальчик вспоминает переселение с одного берега реки на другой, появление на свет Элии, приезд в гости к ним Чубура (брата мачехи). Возможно, начало истории – это женитьба отца на женщине, которую герой называет матерью. Он уверен, что конец истории – сегодня.

Рассматриваемые в работе категории реализуются в повести М. Батчаева как в сюжетном действии, так и в раскрытии внутреннего состояния героя. Прием ретроспекции позволяет «включить» прошлое в настоящее, реализовать, подмеченную А. Б. Есиным «дискретность» художественного времени, которая послужила «... мощным средством динамизации, сначала в развитии сюжета, а затем – психологизма» [7, с. 48]. Элементы проспекции, используемые в повести, интригуют читателя предстоящими событиями. Зачастую ретроспекция в «Элии» позволяет реализовать категорию проспекции.

В повести герой-рассказчик прерывает линейное развитие сюжета, обращается к прошлому. Прием ретроспекции – возвращение нарратива назад во времени относительно основной линии сюжета – необходим автору, преследующему цель раскрыть проблемы современного ему села. Через историю, рассказанную мальчиком, писатель обращается к такому важному вопросу в жизни крестьянина, как невозможность держать в личном подсобном хозяйстве тягловый скот. Деформации развитого социализма, о которых невозможно было говорить напрямую, меняли способ преподнесения правды. М. Батчаев в повести «Мои земляки» (1972) избирает для этого юмористическую форму. Композиционно произведение представляет собой собрание забавных сцен из жизни аула Кумыш в 1960–1970-е гг. Изображение комических героев и смешных пассажей давали возможность автору, пусть и опосредованно, донести до читателя важные для жизни аульчан проблемы.

Как известно, в годы коллективизации был введен жесткий запрет на использование лошади в частном хозяйстве, поскольку она являлась источником наживы. Крестьянину без тяглого скота поднимать свое хозяйство, сдавать государству мясо, молоко, масло было трудно. В «Элии» автор, реализуя в повествовании разные приемы ретроспекции, устами двенадцатилетнего героя, через его историю о лошади Элии, фиксирует в читательской памяти отдельные факты. То, что при первом знакомстве с текстом кажется несущественным, при повторном чтении становится значимым. Тем самым категория ретроспекции «... особенно эффективно воспринимается при повторном и многократном прочтении текста» [5, с. 106].

Под давлением председателя колхоза с лошадьми в ауле расставались неохотно. Были и те, кто открыто отказывался и шел на конфликт с властью. Вскоре была установлена норма корма для мясных и дойных коров, числящихся по последней переписи в каждом подсобном хозяйстве. Аульчанам ничего не оставалось, как «избавиться» от лошадей. У отца героя была привезенная из калмыцких степей породистая белая кобыла. Он надеялся получить разрешение на нее в районе, мотивируя это тем, что лошадь грузна брюхом, благородных кровей и, возможно, произведет на свет ценное потомство. Но получить разрешение отцу не удалось. Тогда он решил перезимовать с лошадьёю в горах на дальних фермах, по неделе в каждой. Но и здесь его поджидали трудности: все заведующие фермами жаловались на нехватку сена и силоса. Понимая положение, отец не обременял больше суток одну ферму. Далее ретроспекция уступает место проспекции. Из сообщения рассказчика («Но судьба распорядилась по-своему, неожиданно и жестоко» [3, с. 70]) читатель предугадывает, что произойдет нечто страшное. Автор интригует читателей, заставляя проникнуть глубже в содержательно-концептуальную информацию.

Герой назовет этот зимний день «солнечным кровавым». В глухой лощине волк выследил кобылу. Грузной лошади не удалось уйти от зверя. Столько крови мальчик видел впервые. Его сообщение («Кровь словно выжгла снег – на нем горел алый круг» [3, с. 71]) отсылает нас к началу текста. Читатель предвидит, что символ «красного круга» на белом снегу еще появится в дальнейшем повествовании, это не конец истории. Прием проспекции позволяет выявить связь и обусловленность событий и сцен. Следующая деталь, на которую автор направляет читательское внимание, – это живот растерзанной лошади,

который дышал. Часть мертвого тела была жива. Отец умело распорол ножом дышащий живот и вытащил жеребенка – высокого, тонкого, белого, как мать. Назвали его Элия, что в переводе с карачаевского означает «молния».

Герой-рассказчик в этом текстовом фрагменте «является “объективным”, выстраивая независимую перспективу на происходящие события» [8, с. 72]. Ни у кого из аульчан в подсобном хозяйстве не было кобылы. Элия росла и крепла на коровьем молоке. Мало-помалу ее приучили к вымени коровы. Всех это удивляло. К сожалению, застав эту картину, удивился и председатель колхоза. Не внимая приглашению отца в дом, он произнес: «Чудаки» [3, с. 72]. Через пару минут председатель снова повторил это слово, причем сложно было понять, кого он имел в виду – отца, мальчика, корову или жеребенка. Рассказчик решил, что всех. Далее председатель добавил: «Непрактично» [3, с. 72]. Читателя это должно насторожить. Он начинает предугадывать дальнейшее развертывание событий. Вскоре председатель вполне ясно выразил свою мысль: жеребенку нужно много молока, он доставит много хлопот, пока станет лошастью, а станет лошастью – как с ним быть? Пользоваться живой лошадиной силой в подсобном хозяйстве не разрешено. Отец понимал, что через два года жеребенок превратится в коня, но надеялся, что за это время может что-то измениться. Однако читатель предвидит, что все останется как прежде, поскольку мысленно возвращается к началу повести, к тому, что уже «застряло» в памяти.

И. Р. Гальперин пишет: «Ретроспекция может быть субъективно-читательской и объективно-авторской, т. е. она может явиться результатом индивидуального творческого восприятия континуума повествования или же результатом авторских ссылок на предшествующие части текста» [5, с. 106–107]. В повести «Элия» отчасти наблюдается субъективно-читательская ретроспекция. Читатель зачастую возвращается к ранее прочитанным эпизодам, поскольку какие-то образы, события, факты оказываются необходимыми для актуализации того, что сообщает герой в данном фрагменте текста. Из дальнейшего рассказа мальчика «Элии» узнаем, что в один из осенних вечеров их дом посетил председатель и заявил, что из-за одной Элии аул не вышел на первое место, несмотря на то что все данные и показатели для этого были. Читатель снова возвращается к ранее прочитанной сцене с председателем и понимает, чего он потребует – «избавиться» от лошади. Отец не терял надежду на то, что Элия прославит район, область и даже страну, но председатель был неумолим.

Из экспозиции читателю известны начало истории и судьба Элии. Однако, чем дальше поступательное движение восприятия текста и ближе развязка, тем больше читательский интерес и сопереживание. Рассказчиком сообщается, что отец «сначала» нашел выход. Наречие, с которого начинается предложение, указывает на то, что это ненадолго. Право владения лошастью в ауле было только у пастуха. Отец попросил того взять его в напарники. Пастух обрадовался и предложил отцу до конца сезона пасти аульское стадо, поскольку ему нужно было лечь на операцию. Мачеха мальчика отговаривала отца, ссылаясь на его возраст и здоровье. Она оказалась права. Читатель при упоминании мачехи вновь мысленно возвращается к началу повествования. Здесь она впервые появляется на «сцене» с тем, чтобы сыграть «главную» роль в судьбе Элии. В эпизоде, где описывалась смерть кобылы – матери Элии, отец обронил фразу, что будь лошадь «пушта брюхом», ушла бы от волка. Рассказчик напомним об этом читателю, размышляя о своей мачехе. Его мать умерла при родах, и отцовское высказывание о лошади навело на мысль, что он – невольный виновник ее смерти. Мачеха окружила заботой и любовью мальчика. Когда он наблюдал, как корова лизала бока Элии, подставив ему вымя, подумал о своей мачехе. Прием ретроспекции, как подмечено Н. Ф. Копыстьянской, «... может выступать цельным блоком, но могут быть и ее дробные вкрапления с внутренней хронологией, но с инверсией в общей структуре» [9, с. 444].

Мачеха еще больше запротестовала, когда отец сказал, что надолго уезжает в горы с Элией. Такое решение было принято после того, как его вызвали на колхозное собрание. После сообщения рассказчика о том, что собрание закончилось поздно и отец вернулся расстроенный, читатель понимает, что счастливой развязки не будет. Этот фрагмент текста отсылает к предыдущей сцене, когда председатель увидел в руках отца бечевку со стальными подковами. Те самые подковы, которые в начале повести герой назвал самыми ненужными.

Ни угрозы руководства села, ни мольба жены не смогли поколебать отца мальчика-рассказчика. Только древний обычай, противостоять которому он не смог, сыграл роковую роль в этой драматичной истории. «Твердость отца и заставила мачеху вспомнить о Чубуре – единственном, с чьим мнением не мог не считаться отец, в каком бы то ни было вопросе. Отцу полагалось уважать Чубура, потому что Чубур был родным братом жены... Так говорил обычай, так велось исстари» [3, с. 81]. Мачеха попросила брата притвориться больным и попросить для излечения молодую конину. Но мальчику нет дела до старого горского обычая. Он не верит, что смогут зарезать и «съесть» Элию, однако читателю уже известен этот страшный конец. Вопрос заключается в приближающемся финале повести.

Мачеха попыталась успокоить мальчика, поэтому сказала, что нужно, прежде всего, любить человека, а после коня или птицу. Но герою непонятно, для чего изгонять боль из поясницы его брата, «если она поселится в груди отца» [3, с. 85]. Для автора «... важна строгая соотнесенность языка рассказчика с его кругозором, с особенностями его мировосприятия и психологического состояния» [1, с. 5]. В повести – конфликт между абсолютными в восприятии героя-рассказчика понятиями о преданности, дружбе, доброте и сложными, полными условностей отношениями в мире взрослых. Мальчик уверен, что отец предал Элию: «Он был как скала, но он раскололся, разбился на куски. Я кажусь себе одним из его кусков» [3, с. 87]. Герой боится, что тоже может кого-нибудь предать. Отец сказал ему, что он, когда вырастет, все поймет и простит. Но мальчик задался вопросом: «Думаю: нужно ли понимать все, если потом прощаешь все?» [3, с. 87]

В конце произведения снова появляется символ – алый круг на белом снегу, венчающий историю Элии и связывающий финал повести с ее началом. Герой-рассказчик вырос и действительно все простил: «Да, отец, ты оказался прав. Я вырос. Все понял. Все простил» [3, с. 88]. Его отца давно уже нет, и он говорит: «Ты, как всегда, был прав... Ни передо мной, ни друг перед другом вы все не виноваты» [3, с. 88]. По верному замечанию Н. И. Бернадской: «Путем обращения к памяти, которая способна анализировать прошлое ... достигается смещение разновременных событий» [4, с. 9]. Герой начинает принимать то, на что в двенадцать лет мальчик смотрел как на предательство – поступки и поведение отца, мачехи, Чубура, председателя, которые пребывали в своем взрослом мире. Впервые после «убийства» Элии, когда герою было плохо, его посетила мысль, что понять его смогла бы только родная мать. Теперь он уверен, что мачеха не виновата, она любила отца и пошла на обман ради его блага.

Выводы. В повести Муссы Батчаева «Элия» основная функция ретроспекции – мотивация внутреннего состояния героя, показ эволюции его души, взглядов, позиции. Рассказчик оценивает события, случившиеся в детстве, спустя некоторое время. Повзрослевший, он иначе смотрит на себя и свое отношение к эпизодам из прошлого. Автор применяет в повести менее распространенный в карачаевской литературе композиционный прием – ретроспекцию в ретроспекции. В начале повествования двенадцатилетний мальчик вспоминает свое недавнее прошлое, а в финале, осмысливая личные детские впечатления, обращается к давно минувшему. В повести «Элия» наблюдается реализация категории ретроспекции как экскурса в прошлое героя и как повествовательного приема. Она

служит также способом связи различных компонентов текста в одно целое, реализуя другую текстовую категорию – когезию. В «Элии» нередко используется проспекция, которая помогает читателю предвосхитить дальнейшее развитие событий. Сигнализируя будущую картину повествования, эта категория интригует читателя, создает своеобразный горизонт ожидания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадахова Р. Я. Автобиографизм художественной прозы Муссы Батчаева // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2022. – № 1(114). – С. 3–9.
2. Барышникова Ю. Ю. Особенности функционирования ретроспекции и проспекции в тексте художественного произведения : в 3-х ч. Ч. 3 // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 3(69). – С. 58–61.
3. Батчаев М. Х.-К. Полное собрание сочинений. – М. : Эльбрусид, 2012. – 496 с.
4. Бернадская Н. И. Идеино-художественная функция временных смещений в композиции современного романа : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.08. – Киев, 1986. – 18 с.
5. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М. : КомКнига, 2007. – 144 с.
6. Горбунова Г. А. Диалогичность и ретроспекция как способы композиционного построения романа Я. Л. Вишневого «Одиночество в сети» // Молодая наука: сборник научных трудов научно-практической конференции для студентов и молодых ученых. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2016. – С. 332–333.
7. Есин А. В. Время и пространство // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины : учеб. пособие / под. ред. Л. В. Чернец. – М. : Высшая школа, 1999. – С. 47–62.
8. Жарков М. А. Специфика нарратора в романе Ф. Сологуба «Мелкий бес» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 17, вып. 5. – С. 69–74.
9. Копыстьянская Н. Ф. Виды и функции ретроспекции в романе XX века // Litteraria humanitas IV Roman Jakobson. – Brno, 1996. – С. 441–450.
10. Меркулова М. Г. Ретроспекция в жанровой структуре трагедий Эсхила. Значение ретроспекции греческой трагедии для западноевропейской «новой драмы» // Вестник ОГУ. Серия «Гуманитарные науки». – 2025. – Т. 1, вып. 10. – С. 4–9.
11. Рогова Г. И. Ретроспекция как форма композиционных поисков в современной советской прозе : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.02. – М., 1983. – 220 с.

Статья поступила в редакцию 24.05.2025

REFERENCES

1. Badahova R. Ya. Avtobiografizm hudozhestvennoj prozy Mussy Batchaeva // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva. – 2022. – № 1(114). – S. 3–9.
2. Baryshnikova Yu. Yu. Osobennosti funkcionirovaniya retrospekicii i prospekicii v tekste hudozhestvennogo proizvedeniya : v 3-h ch. Ch. 3 // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2017. – № 3(69). – С. 58–61.
3. Batchaev M. H.-K. Polnoe sobranie sochinenij. – M. : El'brusoid, 2012. – 496 s.
4. Bernadskaya N. I. Idejno-hudozhestvennaya funkciya vremennyh smeshchenij v kompozicii sovremen-nogo romana : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.08. – Kiev, 1986. – 18 s.
5. Gal'perin I. R. Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya. – M. : KomKniga, 2007. – 144 s.
6. Gorbunova G. A. Dialogichnost' i retrospekciya kak sposoby kompozicionnogo postroeniya romana Ya. L. Vish-nevskogo «Odnochestvo v seti» // Molodaya nauka: sbornik nauchnyh trudov nauchno-prakticheskoy konferencii dlya studentov i molodyh uchenyh. – Simferopol' : IT «ARIAL», 2016. – S. 332–333.
7. Esin A. V. Vremya i prostranstvo // Vvedenie v literaturovedenie. Literaturnoe proizvedenie: osnovnye ponyatiya i terminy : ucheb. posobie / pod. red. L. V. Chernec. – M. : Vysshaya shkola, 1999. – S. 47–62.
8. Zharkov M. A. Specifika narratora v romane F. Sologuba «Melkij bes» // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2024. – Т. 17, vyp. 5. – С. 69–74.
9. Kopystyanskaya N. F. Vidy i funkcii retrospekicii v romane XX veka // Litteraria humanitas IV Roman Jakobson. – Brno, 1996. – S. 441–450.
10. Merkulova M. G. Retrospekciya v zhanrovoj strukture tragedij Eskhila. Znachenie retrospekicii grecheskoj tragedii dlya zapadnoevropejskoj «novoj dramy» // Vestnik OGU. Seriya «Gumanitarnye nauki». – 2025. – Т. 1, vyp. 10. – S. 4–9.
11. Rogova G. I. Retrospekciya kak forma kompozicionnyh poiskov v sovremennoj sovetskoj proze : dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.02. – M., 1983. – 220 s.

The article was contributed on May 24, 2025

Сведения об авторах

Бадахова Рита Яковлевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и журналистики Карачаево-Черкесского государственного университета имени У. Д. Алиева, г. Карачаевск, Россия, <https://orcid.org/0000-0001-5354-8895>, badahova.rita@yandex.ru

Чотчаева Мариза Хыйсаевна – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой литературы и журналистики Карачаево-Черкесского государственного университета имени У. Д. Алиева, г. Карачаевск, Россия, <https://orcid.org/0000-0001-6401-2084>, marizachot@mail.ru

Author Information

Badakhova, Rita Yakovlevna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Literature and Journalism, Karachay-Cherkess State University, Karachaeusk, Russia, <https://orcid.org/0000-0001-5354-8895>, badahova.rita@yandex.ru

Chotchaeva, Mariza Khyisaevna – Candidate of Philology, Head of the Department of Literature and Journalism, Karachay-Cherkess State University, Karachaeusk, Russia, <https://orcid.org/0000-0001-6401-2084>, marizachot@mail.ru